

Р. Ф. Бартон

## Использование мифов как магии у горных племен Филиппин

**Ч**етыре горных племена Филиппинских островов, среди которых я жил,— ифугао, набалой, канканай и тингиан — используют мифы почти исключительно как магию. Особенно интересным является при этом использование мифов у племени ифугао, сохранившего более древние формы общественного строя.

Ифугао занимаются почти исключительно земледелием, тингиан — земледелием и отчасти скотоводством; для племен канканай и набалой скотоводство и горное дело являются более важным, чем земледелие. У племени ифугао экономической и социальной единицей является «большая семья», внутри которой, однако, уже развились резкие противоречия, указывающие на разложение родового строя и переход к классовому обществу.<sup>1</sup>

У племени тингиан «большая семья» частично уступила уже место деревенской общине, возглавляемой «старейшим» (*lakai*), а у набалой и канканай «большая семья» хотя ей сохраняет известное значение, однако подчинилась *Baknan* (богачу, обладателю многочисленных стад и обширных полей) и деревенскому совету, состоящему под управлением *Baknan*.

Культура четырех племен кажется на первый взгляд очень сходной, более сходной, чем это есть в действительности, так как нередко форма сохраняется в то время, как содержание уже значительно изменилось.

Религия ифугао включает широко развитое поклонение предкам, магию, анимизм и формы многобожия. Религиозные обряды и верования трех других племен кажутся высохшими ветвями того же дерева. Многие божества, обряды и церемонии общи всем этим племенам.

Значительную часть религии составляет магия. Из различных видов магии основным является пересказ мифов для определенного магического действия.

Ифугао с их «большой семьей» в качестве социальной единицы имеют только семейных жрецов. Однако в военных обрядах, праздниках отрезанной головы или в обрядах, совершаемых после потери головы, ифугао приглашают известных жрецов, родство с которыми может быть и очень отдаленным или даже сомнительным. Обычно боятся допускать не принадлежащих к семье жрецов слышать так называемые «призывы предков», чтобы жрец не мог в будущем использовать это для колдовства против данной семьи. Возможно, что в будущем возникнет конфликт данной семьи с семьей чужого жреца, а ифугао в раздорах рассчитывают вообще на поддержку родственников из обоих миров. Однако во время войны соседские чувства усиливаются, и эти

---

<sup>1</sup> Более подробно об ифугао см. «Советская этнография», № 1—2 1931, Р. Ф. Бартон. Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин, стр. 116—144.

индивидуальные препятствия отодвигаются назад. Фактически каждый взрослый ифугао является жрецом или готовится стать им. Обычно жрецам ничего не платят, но они очень хорошо умеют позаботиться о себе при разделе жертвенного мяса.

Там, где социальной единицей является деревня, как у тингиан, или территориальная и феодальная единица, как у канканай, страха перед неродственными жрецами нет, и тенденция к приглашению жрецов, пользующихся славой (которая зарождается уже у ифугао) привела к тому, что появляются специальные деревенские жрецы; их меньше по количеству и они довольно хорошо оплачиваются.

Кроме того, при более высокой развитой социальной организации объем обрядов сократился. Я рассматриваю это как проявление меньшего страха перед соседями в результате более широкого социального объединения.

У племени тингиан профессия жреца принадлежит обычно женщинам. У ифугао также имеется ряд женских обрядов, связанных с лечением детских болезней; мужчины смотрят на них довольно пренебрежительно. У ифугао каждый значительный обряд совершают от двух до шести и более жрецов.

Программа их почти всегда одинакова:

1. Молитва предкам — каждый жрец молится своим (принимают участие жрецы отцовской и материнской семьи, призываются предки обоих полов, прямые и по боковой линии).

2. Духи предков вселяются в жрецов. Через жреца предки пьют рисовое вино.

3. Различные группы богов и духов распределяются между жрецами. Могут быть призваны 400—500 духов; очевидно, что один жрец не может вызвать всех, не говоря уже о том, чтобы пить за всех рисовое вино.

4. Каждый жрец посылает своего духа-гонца вызвать выделенных ему богов.

5. Молитва богам или духам.

6. Боги или духи вселяются в жрецов, пьют рисовое вино и объявляют через одержимых ими жрецов свое расположение.

7. Специальные подробности, связанные с этим обрядом.

8. Принесение в жертву свиней и кур.

9. Приготовление свиней, кур и риса, разложенных в плоских корзинах.

10. Обряды «гашения» и «раздувания пара».

11. Пересказывание мифов для магического действия.

Такова программа каждой более или менее значительной церемонии. Пересказывание мифов может продолжаться столько же времени, сколько все предшествующие обряды, взятые вместе, в важных случаях — и всю ночь. Существуют обряды, приуроченные к особым случаям: «улавливание душ», отрубание головы цыпленку, чтобы он посмертными прыжками указал из круга сидящих мужчин мстителя в кровной вражде, мимические танцы и др.

Несколько слов о побудительных причинах к совершению данных обрядов. В общем можно сказать, что ифугао, и в несколько меньшей степени другие племена, прибегают к обрядам во всех случаях, выходящих из круга повседневной жизни. Имеются земледельческие обряды, связанные с рисом и всеми стадиями его роста. Культура риса подвержена всевозможным случайностям, рис подвержен различным болезням, он очень чувствителен к недостатку воды на затопленных полях, а также является жертвой птиц, крыс и саранчи. Нет никаких обрядов, связанных с камоте (camote); камоте (тропический сладкий картофель) — очень устойчивая культура, по значению для питания населения не уступает рису, но не боится болезней и может пострадать только от самой жестокой засухи; камоте, следовательно, не так нуждается в магической охране. Существуют обряды при рождении ребенка, при стрижке его волос; обряды для излечения болезней и ран, покупки и продажи, для получения долгов,



Рис 1. Ифугао строят небольшие деревни среди своих рисовых полей

передачи земли, предполагаемого путешествия, охоты за головами, брака, смерти; обряд возведения в звание *kadañgyang* (богатый человек, «центр»)?<sup>2</sup> при нахождении трупа погибшего от несчастного случая; обряды для вызывания дождя и т. д. К каждому обряду приурочен соответствующий миф.

Магическая церемония пересказывания мифов распадается на два различных момента: первый — собственно пересказ мифа, во время которого там, где является параллель\* к цели данного обряда, жрец провозглашает то, что я называю «*fiat*» («да будет сделано так»); второй жрец вначале как бы устанавливает связь между событием в мифе и желательным результатом в действительной жизни; поэтому рассказ его может начинаться формулой: «это было так для того, чтобы теперь произошло ...» и т. д., или: «это было не в... (место, о котором говорится в мифе), а в нашей деревне...» (название деревни, где происходит обряд). Чем с большим чувством рассказываются мифы, тем сильнее (по представлениям народа) их действие. Рассказ должен, говорят они, «подниматься и падать, как звуки бамбуковой арфы». Они говорят, что один жрец «талантливо» рассказывает мифы, а другой слабо. Во время обряда каждый жрец рассказывает свой особый миф одновременно и звук их голосов, «поднимающихся и падающих, как звуки бамбуковой арфы», чрезвычайно оригинален и не лишен особой красоты.

По окончании рассказывания мифа начинается вторая часть магического обряда, называемая ифугао *tulud* (тулуд) («толкание»); главный герой или несколько героев мифа «толкаются» обычно из места, где разворачивается действие рассказа, или из их жилища в одной из четырех областей вселенной ифугао (небесный мир, подземный мир, область верховьев реки и область низовьев реки) в деревню, где совершается обряд. Там герой мифа видит жертвоприношение, пьет (через жреца) рисовое вино и объявляет свое удивле-

<sup>2</sup> Центр — буквальный перевод слова *gaowa*, обозначающего главу семьи, объединяющего вокруг себя всех членов данной семьи.

ние при виде этих вещей, свое расположение к «детям», как всегда называется у ифугао устроители обрядов, и обещает им исполнения их желания.

Эта вторая часть, как увидим, является иной формой магии, отличающейся от первой (пересказа мифа), явно симпатической.

Миф, который я привожу ниже, принадлежит к группе мифов, употребляемых при обрядах на праздниках головы; все они следуют одной схеме: более сильный побеждает в единоборстве противника, отрубает ему голову и выполняет все обычные у ифугао для этого случая обряды. Эти пары борцов в мифах ифугао обычно следующие: старый петух из Dotal и неоперившийся петушок из Naladangan; твердый камень из Hunduan и мягкий камень из Amgode; кобра с Mabula («Белой горы») и черный змей с Pangag-auwan («Центральной горы»); матерой боров из Kituman и молодой боров из Haladangan, и, возможно, другие. Таким образом, в мифах ифугао отражается их обычай охоты за головами. Каково бы ни было ее происхождение, охота за головами поддерживается торговой конкуренцией между районами и конфликтами, возникающими из-за наложения пошлин на купцов и работоторговцев при прохождении через чужие районы на пути к равнинным рынкам.

Перейдем к изложению некоторых мифов, рассказываемых во время совершения упомянутых нами обрядов.

#### Кобра и черный змей

Рассказывают, что жили кобра с Белой горы и черный змей из Pangagauwan.<sup>3</sup> Они варили рисовое вино. Когда оно стало крепким, они пили его вместе. Они опьянели. Хакоко (кобра) громко хвастал: «Не вызывай меня. Не испытывай меня», сказал он. «Я очень опасен».

Черный змей вторил его похвальбе. «Так же и я», сказал он. «Я очень свиреп». «Если так», сказал хакоко, «пойдем к равнине Катуман и померяемся силами». Черный змей согласился. Они пошли к реке. Черный змей поплыл через реку. Он не мог бороться с течением. Оно увлекло его головой вниз по течению, ногами (т. е. хвостом) вверх по течению. Он едва выкарабкался на противоположный берег.

Жрец произносит «да будет».

«Это было так для того, чтобы то же стало с нашими врагами: они не смогут выдержать болезни и голода, противостоять колдовству и внутренним раздорам. Духи области верховьев реки и низовьев реки одолеют их».<sup>2</sup>

Хакоко бросился в воду. Он пересек реку по прямой линии. Течение не отклонило его. Он торжествовал. Его ликование было подобно голосу бога Грома.

<sup>3</sup> Кобра (ифугао — *hako*, хакоко). В северном Люзоне водится один вид кобры, называемый королевской коброй; считают, что она питается только другими змеями. Она достигает в длину до 4 м и более. Ифугао очень боятся ее, хотя при случае едят. Однажды, проезжая верхом, я увидел большую змею, и в деревушке, недалеко от этого места, предложил ифугао вернуться и убить ее. Я сказал, что это был пифон. «Она вытянулась, или свернулась кольцом?» — спросили они. «Вытянулась», — ответил я. Один из мужчин вошел в свой дом, взял простой рабочий нож и отправился со мной за змеей. Я удивился тому, что он собирается атаковать такую огромную змею с таким оружием, но узнал, что они не боятся самых больших пифонов, если они вытянуты в длину. «Почему вы показали себя врагом мне, Бартон?» — «Я вовсе не враг тебе; зачем ты говоришь такие вещи», — ответил я. «Это не пифон, это кобра. Если бы мы увидели открытую пасть ее, мы должны были бы умереть», — ответил он. «Черный змей», о котором говорится в мифе, вид небольшого пифона, достигающего в длину около 3 м. Во многих частях Филиппин он высоко ценится как истребитель крыс, которые кишат в соломенных крышах домов, и его покупают для этой цели. Pang-agauwan («Центральное место») гора Санто Доминго, высотой около 2000 м, возвышающаяся над районом и почитаемая за центр мира.

<sup>2</sup> Божества, которые приносят болезни.



Рис. 2. Семейные жрецы рассказывают военные мифы. Каждый держит военный нож, которым он иногда взмахивает по направлению вражеской деревни. В корзинах—вареный рис и мясо.

Да будет. «Это было так для того, чтобы то же стало с нашим родом. Это было не в Китумане, а здесь, в нашей деревне... Дети (т. е. наши юноши) подобны кобре с Белой горы, подобны старому петуху, подобны твердому камню Хидуана; никто не может повредить им или одолеть их. Они говорят и говорят прямо, просят и получают то, что им нужно. Они подобны нетускнеющему золоту, подобны хвостовым перьям взрослого петуха».

Они продолжали путь к равнине Китуман. Хакоко вытянул свое тело. «Начинай и проглоти меня», сказал он.

Черный змей проглотил голову хакоко, его шею, он дошел до середины, но дальше не мог. Он изрыгнул его обратно.

Хакоко торжествовал. Он поднялся на свой хвост. Он плясал. Он раздул свою шею. «Видишь», сказал он, «ты совсем не такой сильный».

Он кружился вокруг черного змея. Он схватил голову черного змея.

Он проглотил его голову, туловище, проглотил его целиком. Затем он изрыгнул его обратно по течению вниз головой, ногами вверх. Черный змей едва мог пошевелиться. Он кусал землю.

Да будет. «Так было для того, чтобы так же стало и с нашими врагами. Они падут головой вниз по течению, ногами вверх. Они будут грызть землю. Наши юноши встретят их посреди дороги. Враг не может победить нас. Он дрогнет, выронит свое оружие и будет истреблен на месте. Его доской для спанья станет земля».<sup>4</sup>

<sup>4</sup> Доска для спанья: ифугао спят на доске шириной около 30 см (ординарная постель) или же около метра шириной (двойная) и длиной сантиметров 130. Под один конец этой доски кладется их подушка — обрубок дерева величиной с кирпич.

Хакоко посмотрел вверх. Он увидел солнце в срединном положении, вокруг солнца был ореол.<sup>5</sup>

Хакоко перерезал шею черного змея. Он омочил свой палец в крови. Он попробовал ее. «Я поступил с тобой так потому, что я очень свиреп», сказал он.<sup>6</sup>

Он отрубил голову черного змея. Он помахал ею. Он положил ее в свою корзину для голов и направился домой. Дурных примет не было. Он фыркал дорогой (он фыркал «Kaw! Kaw!», объяснил мне мой осведомитель). Он прибыл в свою деревню на Белой горе. Женщины били одна о другую палки от ткацкого станка.<sup>7</sup>

Жрецы совершили «вступительные» церемонии.<sup>8</sup>

Они водрузили голову на банановый ствол. Они сделали из пальмовых листьев украшения для пляски. Они били в гонги, плясали, говорили речи.<sup>9</sup>

<sup>5</sup> «Срединное положение»—дополуденное время (около 9 час. утра) считается наиболее благоприятным для охоты за головами. Символическое значение солнца уже сильного и еще более усиливающегося понятно; сравните японский военный флаг. «Ореол .. « Солнце, ореол вокруг солнца, радуга и звезды», луна, утренняя заря, кометы, солнечный луч, пронизывающий облака^ различные созвездия, зарницы — все это божества войны. Когда вокруг солнца или луны появляется ореол, это считается признаком того, что кто-то теряет свою голову.

<sup>6</sup> Здесь и в последующих обрядах следуют обычаям охотников за головами у ифугао. Пробуют кровь жертвы, вероятно, для того, чтобы заключить с ней договор крови. После этого душа убитого не будет беспокоить охотника.

<sup>7</sup> Отряд победителей кричит хором, напоминая клич американского колледжа (который, по-видимому, заимствован у американских индейцев) „yuh-yuh, yuh-yuh, yuh-yuh-whoо!», (вместо «whoо!»—клич может кончаться на «wheу!»). Крик, употребляемый для отпугивания ястребов, ворон и вообще ворующих цыплят; это является оскорблением убитому и его роду; иногда кричат «Doo-i» — крик, которым пугают ворующих свиней. Оставшиеся в деревне немедленно отвечают тем же криком. Женщины берут длинные заостренные палки из ткацкого станка и спешат спрятаться за кустами бамбука и в траве вдоль тропинки, по которой возвращаются охотники за головами. Когда отряд проходит мимо первой спрятавшейся женщины, она вскакивает, садится на корточки и бьет палки одна о другую. Воины кричат и прыгают через них. Когда проходит последний, все останавливаются, и женщина обращается к ним, называя их храбрыми, но объявляет и себя храброй, так как она „родила их в мир“. Отряд идет далее до следующей «засады», где их ожидает с такими же палками другая женщина.

<sup>8</sup> Нельзя привести в деревню ифугао ни его важного без исполнения вступительной церемонии; она совершается обычно на следующий день. Так, например, рассказчик этого мифа был ранен, исполняя обязанности десятника в группе ифугао, отрабатывающей десятидневную трудовую повинность, одним из группы, которым овладел приступ амок. Принеся его в деревню, родственники хотели оставить его на ночь под домом до следующего дня, когда должна быть совершена вступительная церемония. Увидев, что он ранен ножом в грудь, я решил, что такой режим будет для него роковым, и взял его к себе в дом до выздоровления. Его родственники настаивали на том, чтобы мои слуги соблюдали обычные при этом случае табу, но для меня они были не обязательны. Именно во время своего выздоровления раненый рассказывал мне этот и несколько других мифов. Подобные вступительные празднества распространены среди племен Борнео и по крайней мере у одного из них имеется и обычай встречи женщинами возвращающихся охотников за головами, причем женщины бьют палки о палки, как описано выше.

<sup>9</sup> На праздниках головы танцоры надевают уборы из пальмовых листьев. От времени до времени кто-либо из стариков или авторитетных лиц обращается к ним с речью, причем они поворачиваются спиной к нему. Речи хвастливы и церемонны; они очень напоминают речи, в которых равнинные индейцы «считают ударь». Вот одна из них:

Эй, эй, плясуны,  
Качающиеся взад и вперед,  
Сгибающиеся в танце,  
Порхающие в танце.  
Дважды качнуться, дважды согнуться,  
И дважды плясать.  
Руки увешаны  
Украшениями охотников за головами.

Когда я был молода попал в далекий район низовья реки. Я пришел к водовороту низового крокодила. Я вызвал крокодила на поединок. Крокодил поднялся на поверхность. Я бросился

На следующий день они совершили *lorad*.<sup>10</sup>

Старый петух научил их танцу «Петушиный бой». «Исполняйте его так», сказал он, «и колдовство врагов будет отвращено от вас. Оно обратится против них самих». И на следующий день они исполнили *ditak*.<sup>11</sup>

Рано утром следующего дня они устроили процессию вокруг дома и повесили украшения охотника за головами, добывшего трофей. Затем они пошли, чтобы погадать по голосу птиц.

Птица дала им хорошее предзнаменование.

«Это хорошо», сказал хакоко. «Тот, кого я обезглавил, как будто никогда не жил. Месть не будет возвращена, не будет никакого последствия».<sup>12</sup>

Да будет. «Это было не в Китумане, а здесь, в нашей деревне... Наши враги разбиты. Они не знают, как отомстить. Их вожди («центр») подобны женщинам. Они подобны молодому петуху, подобны мягкому камню из Амгодэ, подобны Черному Змею с Центральной Горы. Мы подобны старому петуху, подобны твердому камню из Хиндуан, подобны Кобре с Белой Горы».

в воду, открыл силой его пасть и вырвал один зуб. Я взял зуб в дом Витан`а в Дугликан`е и все они боялись меня — они стояли в сторонке и дрожали от страха.

Git-git-á-git  
Gitaowit  
Nungaowa  
Algao!

Юноши, не достигшие жреческого звания или власти, высмеивают такие речи. Они начинают в том же духе, как будто собираясь произнести ритуальную речь стариков.

Эй, эй, плясуны,  
Качающиеся взад и вперед,  
Сгибающиеся в танце,  
Порхающие в танце.  
Дважды качнуться, дважды согнуться,  
И дважды плясать.  
Руки увешаны  
Украшениями охотников за головами.

Когда я был молод, я отправился в далекий район низовья реки. Я переходил, я переходил горы.

Я взобрался на макушку  
Вершины крутого хребта,  
Увидел там женщину.  
Женщину-кобру  
С головой человеческой.  
Тощи груди ее,  
Поганое жильё ее,  
Истинно нечеловечье.  
Я поспешил домой.  
Git-git-á-git, gitaowa  
Nungaowa, Algao!

(Английский перевод в стихах с сохранением ритма языка ифугао)  
I scaled to the climax  
Of a summit of hogbacks  
Saw there a woman  
Woman the crest of her  
Cobra the rest of her  
Scrawny the breasts of her,  
Foul was the nest of her  
Surely not human!

Мы даем несколько вольный перевод рифмованной части для того, чтобы дать представление о ритме стихов ифугао, который показан в двух строках, приведенных выше.

<sup>10</sup> *Lorad* — церемония второго дня праздника головы. Для нее характерно рассказывание ряда мифов, к которым относится и настоящий, и мимический танец «петушиный бой», исполняемый двумя жрецами, один из которых одержим старым петухом из Ровного Места, а другой — неоперившимся петухом из Наладанган. Цель этой церемонии — обеспечить силу семьи и обезвредить церемонии, исполняемые в это время семьей, потерявшей голову, которые включают и избрание мстителя.

<sup>11</sup> *Ditak* — серия обрядов мести, совершаемых, по всей вероятности, одновременно как той, так и другой стороной. Это последняя церемония праздника головы, а также обрядов, следующих за потерей головы.

<sup>12</sup> После удачной охоты за головой, до того, как врагам удастся отомстить, победителями столько же владеет страх, сколько они проявляют торжества, а может быть и больше.

Кончается миф и начинается *tulud* («толкание»).

Хакоко находится в своем доме на Белой Горе. Вдруг что-то привлекает его слух: это мои (жреца) призывы. «Действительно», говорит он, «дети в (название деревни) зовут меня. Остаюсь здесь, Буган<sup>13</sup> (чтобы караулить дом). Я пойду на их призыв».

Он заворачивает бетель, прикрепляет сумку к поясу, опоясывается боевым ножом и берет свое копьё. Он пускается в путь. Он спускается в Линоуан, идет по равнине к Уби, затем к Лана. Он не останавливается там, в деревне,<sup>14</sup> а проходит через нее и идет к Улу. Он пересекает горный кряж у Китумана. Он идет по песчаному руслу реки. Он подходит к Амбангал (где ручей впадает в реку). Вода прозрачна. Он продолжает путь до Гилэм (где течет другой ручей). Вода мутна. «Она зовет меня», говорит он.<sup>15</sup> Он забирается по склону к Халиап. Он обходит холм у...<sup>16</sup> Он забирается по склону к месту, где стоят моральные самки (*Pindungan*; «Place-Set-With-Ethics-Locks»).. . Он проходит в Мальпао. «Као», говорит он, «это мои дети в Мальпао зовут меня».<sup>17</sup>

«Да», говорит жрец, «ибо мы сделали то же, что и ты в прошедшие времена. Мы отомстили врагам. Вот рисовое вино, пей с нами» (жрец отпивает рисового вина).

«Я пью ваше рисовое вино и я вижу ваши жертвоприношения» (говорит нараспев жрец от имени божества), «ибо таков мой обычай — ах. Я буду на вашей стороне, потому что вы мои дети — ах. Вы будете побеждать и вы будете сильны, вы будете ходить по вашим холмам и от ваших тропинок отклонятся копьё колдовства врагов и ядовитые змеи — ах. Вы будете говорить и говорить прямо, просить и получать, что захотите — ах. Вы распространитесь по холмам Пугао — ах».

«Ваши враги будут подобны черному змею, неперившемуся петуху и мягкому камню — ах. День за днем в их деревне будут раздаваться причитания овдовевших женщин — ах. Под каждым домом будет ложе смерти — ах. Их тропинки зарастут травой и их дома покроются мхом — ах. С-э-эй-эй-эй».

Божество удаляется с затихающим криком. Оно, понятно, говорит то, что хочет сказать жрец, а цель жреца — повлиять через божество на увеличение семьи («вы размножитесь») и успех в торговле («просите, чего вы хотите, вы получите это»).

Все эти мифические состязания начинаются обычно хвастовством борющихся сторон, около кувшина с рисовым вином. Это просто отражение жреческих сборищ. Обычно хвастают семейным влиянием и особенно богатством, что отражает возникновение высшего класса и перерождение «большой семьи» в феодальную группу.

В других мифах этой группы борьба между старым петухом и молодым, между матерым боровом и молодым идет по той же схеме, как и спор Кобры и Черного змея. Борьба между твердым камнем и мягким камнем происходит несколько иначе.

<sup>13</sup> Почти все жены богов носят имя Буган, самое обычное женское имя.

<sup>14</sup> Заметьте, что жрец «толкает» божество через все названные места, находящиеся между его предполагаемым жилищем и деревней, где находится жрец. Жрец немного беспокоится, как бы хакоко не остался в чужой деревне — он подчеркивает: «он не останавливается ...»

<sup>15</sup> Мутная вода — знак, указывающий «толкаемым» божествам путь, по которому они должны идти. Водный путь часто самый удобный в стране ифугао.

<sup>16</sup> Мы пропускаем названия остальных мест, через которые жрец «толкает» божество. Их бывает обычно до двадцати. Ближе к деревне каждый гектар местности — или даже менее — имеет свое название; вдали от деревни площади, имеющие особые названия, увеличиваются, а в джунглях или незаселенной местности могут быть очень большими. Теоретически жрец не имеет права пропускать названия ни одного из этих мест, лежащих на пути божества к деревне, под страхом потерять контроль над божеством.

<sup>17</sup> Группа поклоняющихся божеству всегда называется его «детьми».

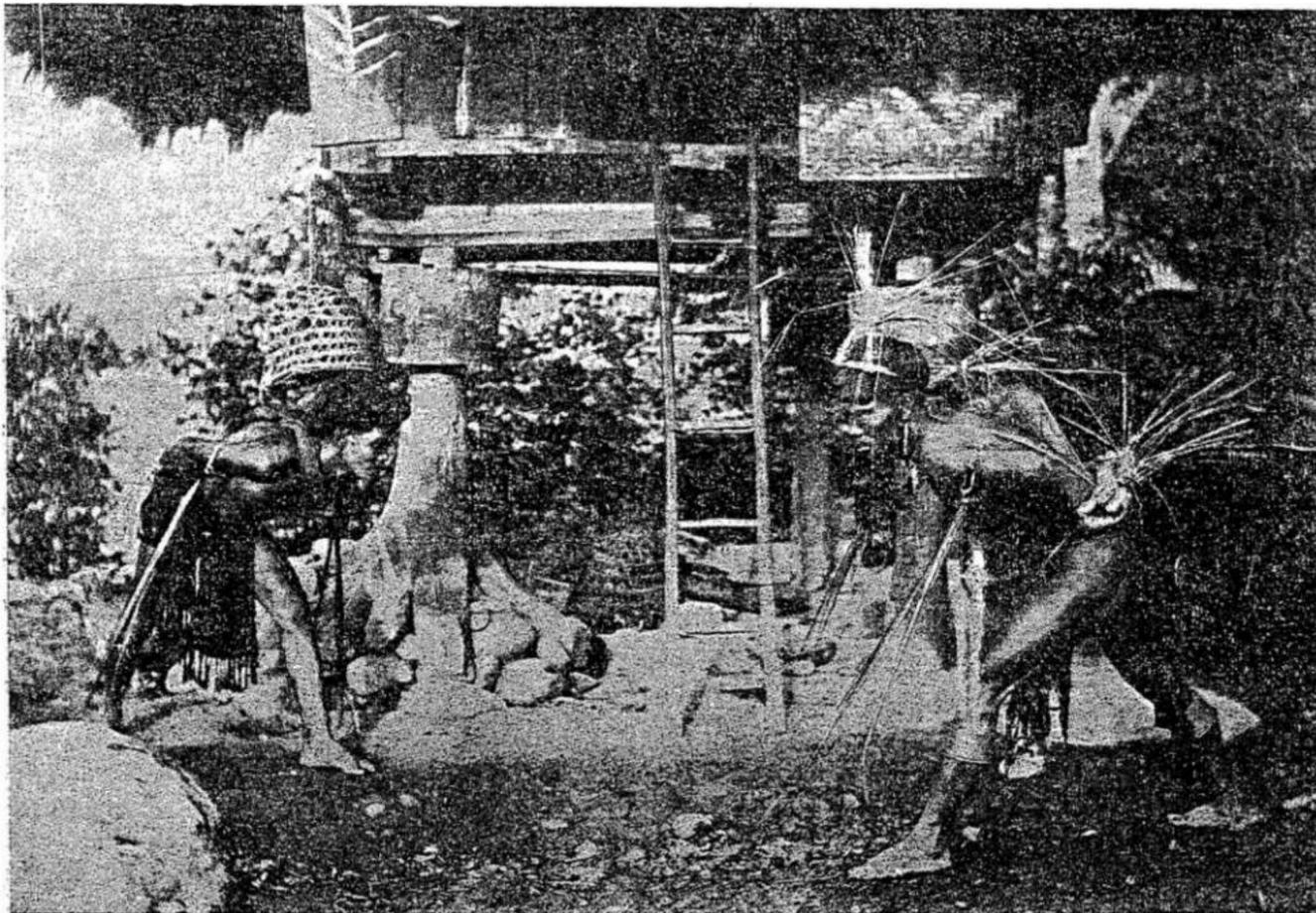


Рис. 3. Начало танца петушиного боя.

Она начинается таким же образом: хвастовством и вызовом.

Они пошли к реке и каждый вымостили одну из сторон реки. Затем твердый камень встает, поднимает свое копьё и выкрикивает ругательства богу Грома, который в гневе разверзает небеса и низвергает ужасный поток. Поток устремляется вниз по реке на берег, вымощенный твердым камнем. Твердый камень поднимается и угрожает водам своим копьём. Они возвращаются к своему истоку и устремляются вниз, на противоположный берег, вымощенный мягким камнем, размывают его и уносят куски вниз; от них не остается ни следа — прекрасная параллель уничтожения враждебной семьи, которого желают устроители церемонии.

Когда на праздниках головы рассказывается миф о борьбе между старым и молодым петухами, происходит мимический танец, о котором мы упоминали выше. Этот танец составляет часть церемонии *tulud*, следующей за рассказом мифа. Старый петух овладевает одним жрецом, молодой овладевает другим. Каждый жрец надевает на себя головные уборы, и хвост, сделанные из дерева и пальмовых листьев. Иногда за старым петухом следует жрец с горячей головней. Как мы увидим из следующего мифа, ифугао считают, что огонь имеет возрождающую силу. После различных приемов старый петух побеждает молодого и торжествующе попирает его ногами.

Возможно, что мифы этой группы имеют тотемическое происхождение.

Следующий миф более типичен. Он употребляется как семейный, потерявшей голову, так и семейный победителя, хотя он рассчитан на возрождение силы побежденного.

Как из одного стало восемь

Рассказывают, что в деревне Дуклиган жили Умбуабакал и его сын Люмауиг.<sup>18</sup> Они ели людей. Люмауиг ел даже своих соседей-односельчан.

<sup>18</sup> Lumawig — мифический предок соседнего племени Бонток; нередко встречается в мифологии ифугао.

Умбумбакал стыдился (поступков своего сына в отношении соседей). Он взял сына с собой в лес. Отец рубил дерево до тех пор, пока оно готово было упасть.

«Лезь наверх и достань мое копьё», — приказал он сыну.

Мальчик повиновался, и отец ударил по дереву. Оно упало на мальчика и раздавило его, (некоторые жрецы произносят здесь «да будет», обращая параллель против врага). Отец возвратился домой. Вечером Люмауиг ожил и пришел домой.

«Ты не мертвый?» — спросил отец.

«Нет», — ответил мальчик.

Отец сказал сам себе: «Как мне убить этого мальчика; он позорит меня».

На следующее утро отец и сын пошли ловить рыбу. Они вырыли песок: из-под огромного валуна, чтобы там образовался пруд. Когда рыба набралась в яму, Умбумбакал послал сына ловить ее. Затем он толкнул валун, который раздавил мальчика. Не осталось ни одной косточки целой.

Да будет. «Это было не в Дуклигане, а в их деревне Нагакаран (вражеская деревня). От них не осталось ни корня, ни ветви: они постоянно вымирают. Каждая женщина носит траурные ленты (вокруг головы); под каждым домом ложе смерти».

Отец вернулся домой. Вечером Мальчик ожил и принес валун домой. «Возможно ли, что ты все еще не мертв?» сказал отец.

«Я не мертв», ответил мальчик.

«Я не могу убить этого мальчика», сказал отец, «лучше я его прогоню». Утром отец приказал сыну пойти на охоту в восточный район. Люмауиг повиновался. Он захотел есть. Он убил дикого кабана и съел его сырым. Мейингит<sup>19</sup> из небесного мира увидел его. Он спустился на землю.

«Зачем ты пришел сюда?», спросил Мейингит.

«Мой отец выгнал меня за то, что я ел наших соседей». И он рассказал, что с ним случилось.

Мейингит засмеялся. «Ты силен», сказал он. Затем Мейингит развел костер. Он схватил мальчика и бросил его в огонь. Когда мальчик сгорел, он собрал пепел и бросил его в реку. Из воды вышли два мальчика. Мейингит схватил их и бросил в огонь. Пепел он опять бросил в воду. На этот раз из воды вышли четыре мальчика. Это были уже юноши. Мейингит схватил их и бросил в огонь и опять пепел бросил в реку. На этот раз из воды вышли восемь молодых людей. Они были сильны и свирепы. Они были безупречны. (Жрец вставляет свое «да будет».)

«Так было для того, чтобы то же стало с нашим родом. Наш род, увеличится, мы расселимся по холмам Пугао<sup>20</sup>. Мы, как нетускнеющее золото, как хвостовые перья старого петуха, как пушистые метелки трав согон и уаруаро, наши тела не станут ржавыми. Наши ноги будут легко взбираться по склонам гор. Когда мы заговорим, наши слова будут вселять страх в глаза врагов. Мы будем говорить прямо, требовать и получать».

Мейингит назвал братьев: Люмауиг, Кабигат, Биханг, Ангубад, Пангэлан, Лангиуа, Дудухон и Думундун. Братья пошли охотиться. Они увидели женщину. Они поймали ее. «Зачем ты здесь?» сказали они, «мы съедим тебя».

<sup>19</sup> Мейингит — «Красный» — друг обманщика — главный бог войны. Мейингит появляется в разных видах: закатные облака, ореолы, заря и т. д. Все имеет особое значение в охоте за головами.

<sup>20</sup> Pugao — земля ифугао; тесно связано с rugao — холмы, откуда Ifugao (Ифугао) жители холмов — слово, которое ифугао приняли как свое племенное название. Гораздо чаще они называют себя просто tago — люди.

«Хорошо», сказала женщина, «этого я и хочу».

«Почему?» спросили братья.

«Потому, что люди из Бинанга сожгли нашу деревню Дуклиган и убили всех жителей».

Люмауиг узнал в женщине свою мать. «Мы не съедим тебя», сказал он, «потому что ты наша мать».

«Как вас стало восемь мужчин?» спросила мать.

«Мейингит сжег нас», ответили они.

«Идите в Бинанг», сказала мать, «и отомстите за вашего отца».

Братья согласились. Они вернулись со своей матерью в Дуклиган. Они сделали копья и щиты. Они отправились в путь. Они построили шалаш на окраине своего района и наблюдали предзнаменования.<sup>21</sup>

Ночью Люмауиг встал и осветил братьев факелом. Ни одни ножны не лежали криво. Все лежали прямо. Утром братья разделили имбирь<sup>22</sup> и отправились в Бинанг.

Они пришли. Жители Бинанга закричали: «Люмауиг пришел». Один из мужчин Бинанга отрезал Люмауигу ногу. Братья защищали его. Люмауиг привязал вместо ноги палку. Тогда они убили двух мужчин из Бинанга по имени Бинуит и Туул. Жители Бинанга рассыпались и бежали. Братья отправились домой.

Вскоре послышались крики преследующих жителей. Их крики были подобны реву бури в ветвях деревьев. Они все приближались.<sup>23</sup>

Люмауиг вынул свой нож. Он разрезал надвое сверху вниз гору, через которую они бежали, и оттолкнул вторую половину ее.

Мстители подбежали к пропасти: дороги не было. Они бегали по сторонам в поисках дороги. Люмауиг срезал лиану rattan и свесил ее вниз. Преследователи схватились за нее. Они полезли по ней вверх. Когда они почти достигли вершины, Люмауиг разрезал лиану своим ножом. Мстители упали кучей друг на друга. Они были искалечены, разбиты, изуродованы, спалены солнцем.

Многих усадили в их смертные ложа в деревне Бинанг; многие надели траурные ленты; многие соблюдали пост; раздавались причитания ядов и осиротелых родителей. Они были истреблены, не осталось никого, чтобы отомстить.

«Да будет» жреца. «Это было так для того, чтобы...»

За этим следует также tulud, в котором Люмауиг или Мейингит проводится в деревню и объявляет, что его поклонники размножатся и будут сильны и победят своих врагов и т. д.

В этом мифе имеется несколько элементов, часто встречающихся в мифологии ифугао.

<sup>21</sup> Так делают ифугао, отправляясь на охоту за головами. Они строят временный шалаш (двадцатиминутная работа) на своей территории, приносят в жертву цыплят, иногда поросенка, и наблюдают приметы, особенно от птиц и насекомых. Ночью, когда все спят, вождь встает и «освещает» спящих: если кто-либо не лежит прямо, параллельно со своим оружием, тот должен вернуться домой: предполагается, что они будут убиты или принесут несчастье экспедиции.

<sup>22</sup> Другой обычай при охоте за головами: при вступлении на вражескую землю воин натирает себе лоб и нос имбирем, чтобы охладить голову и сохранить зрение ясным. Когда они возвращаются обратно на свою территорию, вождь собирает куски имбиря, которые сохраняются вместе с другими амулетами и фетишами охотников за головами. Мне кажется, есть какая-то связь между этим обычаем и обычаем племен Дуеун на о-ве Борнео, у которого перед отправлением в подобную экспедицию каждый воин отрубает щепку от небольшого дерева.

<sup>23</sup> «Мстители» при охоте за головами ифугао почти всегда применяют засаду и поэтому настоящая опасность начинается после того, как обезглавят одного из врагов: преследование manguwheh «выбегающих вон» — вот чего больше всего боятся. Отряд охотников за головами при отступлении оставляет на своем пути искусно замаскированные hugfa — заостренные бамбуковые палки, причиняющие жестокие раны на ногах преследователей. Но на стороне преследователей свежесть сил и лучшее знание местности. Вполне возможно, что они устроят засаду нападшим врагам и уничтожат их.

Первое — отец убивает своего сына. Так как при существующих общественных отношениях невозможно представить такой поступок отца у ифугао, этот момент может быть лишь пережитком материнского родового строя, при котором это, конечно, могло легко случиться.

Второй, элемент — женщина, удрученная каким-либо горем, бродит одна и встречается обычно божество или чудовище, которое помогает ей.

Из записанных мною мифов это единственный, в котором сыновья женщины сражаются за нее (хотя и для того, чтобы отомстить за отца, что является, вероятно, позднейшим объяснением) однако возможно, что сверхъестественные существа в других мифах заменили сыновей в более старых мифах. Это часто встречающийся элемент в мифологии.

Третье — превращение одного мальчика в восемь юношей; иногда, как мы увидим в следующем мифе, это возрождение при помощи огня.

Четвертое — разрезание надвое горы, встречающееся в нескольких других мифах.

Попутно я упомяну о другой черте мифов ифугао. Так например, этот миф имеет чрезвычайно сложную фабулу и богат подробностями. Но в то же время посмотрите, как он не обработан с литературной точки зрения. Ифугао совершенно не интересуется чувствами отца при виде возвращения живым сына, которого он убил. Отец спрашивает: «Ты не мертв?» и получает ответ: «Нет».

Мать, встречая восемь сыновей, вместо одного, рожденного ею, задает вопрос: «Как вас стало восемь?» и получает ничего не объясняющий ответ: «Мейингит сжег нас». Эта крайняя безыскусственность является результатом того, что эти мифы рассказываются не для забавы.

Однако, было бы неправильно сказать, что в них нет никаких начал литературы.

Иногда миф сливается с *tulud*'ом и невозможно определить, где кончается один и начинается другой. Особенно часто это встречается в районе *Kiangan*.

Насколько я знаю, этого никогда не встречается в районе *Kurug*, где я также собрал несколько мифов..

Я объясняю это большим территориальным единством в районе *Kiangan*. Этот район богаче, чем *Kurug*; он лежит на пути к равнинным районам и благодаря этому является посредником в торговле рабами между внутренними и прибрежными районами. Эти факты способствовали развитию территориального единства, которое, по моему мнению, уменьшает беспомощность населения и ведет к некоторому упрощению религии, выражающемуся в потускнении мифа. Проводимый ниже миф, рассказываемый на земледельческих праздниках, иллюстрирует это сокращение или стяжение мифа, слияние его и *tulud*. Мы видим здесь также и отражение заинтересованности земледельческого народа в повышении производительности природы.

#### Бинонбонг приносит обратно свиней, цыплят и рис

Бинонбонг из деревни Лантоган кончил есть. Он услышал визг своих свиней под домом.<sup>24</sup> Он взял вареные листья сладкого картофеля и положил их в кормушку.

Но он не нашел воды. Он взял бамбуковый сосуд для воды и пошел к реке. Он вошел в воду, чтобы наполнить сосуд. Он посмотрел вниз и увидел

<sup>24</sup> Каждый ифугао (и бог Ифугао) имеет или хотел бы иметь свинью с поросятами. Свинья и ее приплод добывают себе корм, роясь в отбросах и помоях и бродя по ближайшему лесу. Иногда особенно, когда она кормит поросят, свинью подкармливают отбросами пищи, если что-либо остается, и ботвой сладкого картофеля. Если хозяйство не имеет свиньи, стараются получить ее у «центра», чтобы заботиться о ней, взамен одного или двух поросят из приплода.

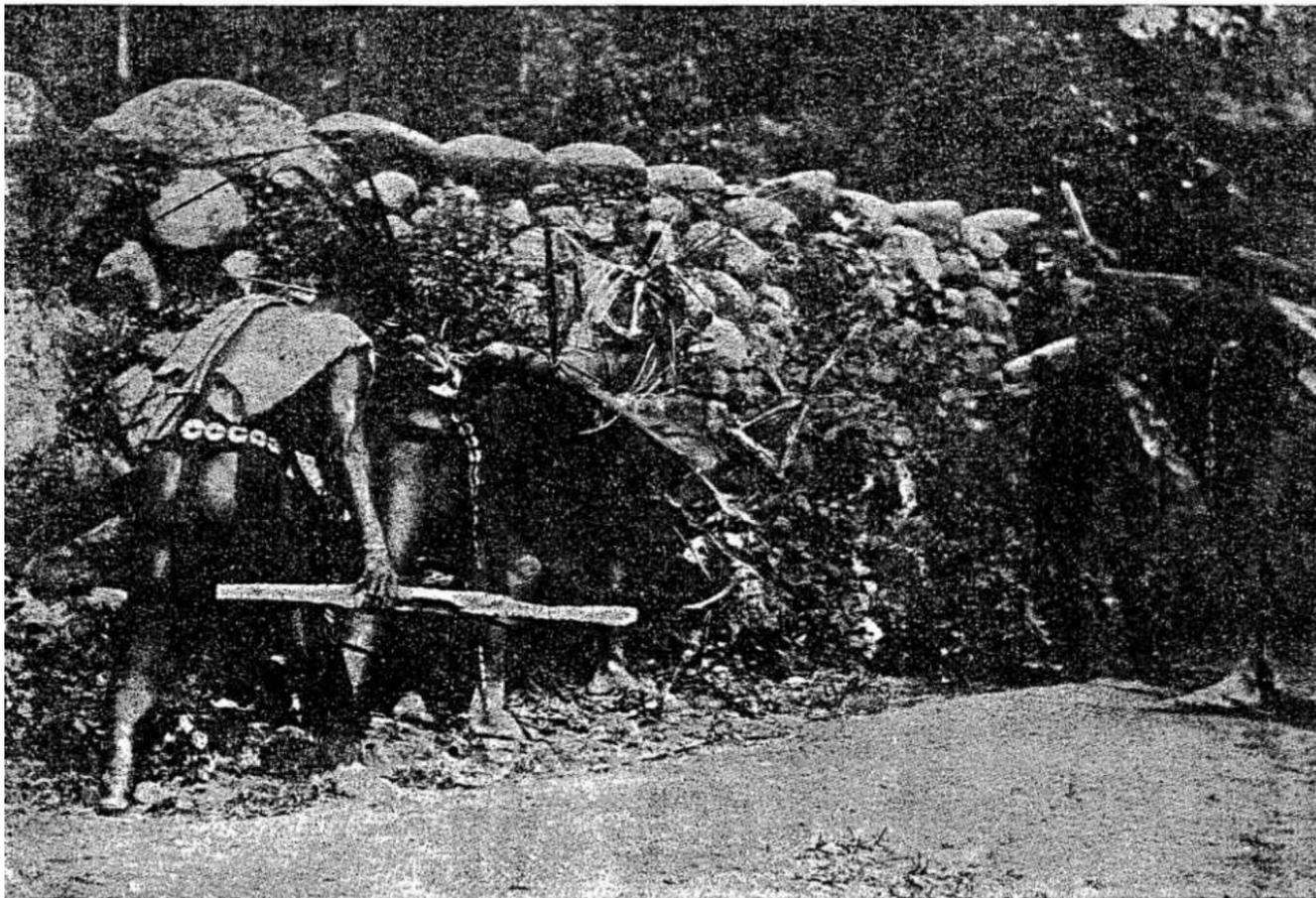


Рис. 4. Конец танца петушиного боя: наполовину оперенный петух закрыл свое лицо руками; весь покрытый перьями петух, торжествуя стоит над ним, в то время как жрец размахивает головней вокруг него.

принесенное ему течением копыто свиньи, куриный коготь, пучок вымолоченной рисовой соломы и обертку для рисовой лепешки из бананового листа. «Они принадлежат Балитоку из Кьянгана», сказал он, «Я должен отнести их обратно»: Он положил их в свою сумку; он отнес воду домой, дал корм свиньям и сказал своей жене Буган: «Оставайся дома до моего возвращения, Буган. Я должен отнести обоатно кое-что жителям Кьянгана».

Он сложил бетель, опоясался своим боевым ножом, взял в руку свое копьё. Он перешел вброд реку и направился на запад к Линовану. Дошел до Уби; пошел дальше к Лана. Он не остановился там в деревне, а прошел через нее и прибыл в Каба. Он продолжал путь к Улу. Он перевалил через горный кряж у Китумана. Он шел по песчаному руслу реки. Он пришел к устью ручья Амбангал. Вода была прозрачна. Он продолжал путь до устья Гилэм (другой ручей). Вода была мутна. «Она звала его», сказал он. Он пошел к Кингингану. Кто-то появился перед ним. Он поднял свое копьё. Это был *bibio*<sup>25</sup> по имени Тайабан.

«Опусти свое копьё», сказал Тайабан, «давай поговорим». Бинонгбонг опустил свое копьё.

«Ты — Бинонгбонг из Лэнтотена», сказал Тайабан.

«Да», сказал Бинонгбонг. «Я несу вещи Балитока из Кьянгана, чтобы вернуть ему».

«Войдем в мой дом», сказал Тайабан. Они вошли в дом. Они угостили друг друга бетелем.

«Что в твоей поясной сумке?» спросил Тайабан.

<sup>25</sup> *Bibio* — дух какой-либо местности. Считается, что он живет в самом заметном местном предмете — большом дереве, скале, ущелье, утесе и т. п. Некоторые деревья, *balitian* (вид индейской смоковницы), считаются всегда жилищем *bibio*.

«Свинья, цыпленок, рис и рисовая лепешка, принадлежащие нашим друзьям в Киангане», ответил Бинонгбонг и показал ему. Тайабан засмеялся. «Као?» воскликнул он, «у тебя только остатки их».

«Я не знаю», ответил Бинонгбонг: «они пахнут, как эти вещи».

Тайабан взял свой топор и срубил дерево Amugaowan. Он вырубил сердцевину. Он развел из нее огонь. Когда огонь хорошо разгорелся, он положил в него копыто свиньи, куриный коготь, рисовую солому и обертку от рисовой лепешки.

«Зачем ты это делаешь?» сказал Бинонгбонг, «они сгорят».

Подожди и увидишь», сказал Тайабан. Когда огонь погас, Тайабан взял немного воды и положил в нее пепел копыта, когтя, соломы и обертки.

Они превратились в свинью, цыпленка, сноп риса и рисовую лепешку.

Да будет: «Это было не там, в Гилэм, а здесь, в нашей деревне, у места, где находятся запретные знаки. Наши свиньи, наши куры и наш рис возрождаются; житницы, откуда наши женщины берут рис, снова наполняются, и голод детей и работников на полях удовлетворяется немногим. Нас станет много и мы победим, мы как нетускнеющее золото...»

Затем Тайабан и Бинонгбонг сделали переносную клетку и посадили в нее свинью. Они сделали также клетку для цыпленка. Тайабан засмеялся: «Теперь твоя ноша тяжелее», сказал он.

Бинонгбонг поднялся по холму у Халиап. Он продолжает путь дальше (через другие места) по направлению к Кианган. Он поднимается по склону у »места, где находятся моральные запретные замки».<sup>26</sup>

Он приходит. «Ах, као!» говорит он, «это мои дети (имя) и (имя). Смотрите, я принес обратно ваших свиней, цыплят и рис».

«О, да, господи. Ибо ты очень любишь нас. Выпей нашего, рисового вина и посмотри на наши жертвоприношения. Мы поступили сегодня, как наши предки в минувшие времена».

«Я принес обратно ваш рис, ваших свиней и ваших цыплят; они увеличатся (при помощи чуда) — ах. Я умножу зерна, пока они станут подобны песку (количеством); они будут разбухать (в котле) и небольшим количеством насытятся гости и работники на полях — ах. Вы размножитесь и будете преуспевать; день за днем будет подниматься дым (от лесных расчисток) на ваших холмах; ваши рисовые террасы будут подниматься все выше и выше — ах. Вы будете как нетускнеющее золото, как хвостовые перья старого петуха, как воды реки, которые никогда не останавливаются — ах. Вы будете получать все, чего пожелаете». «Сэ-эй-эй-эй». Божество удаляется с замирающим криком.

В Киангане существует тенденция таким образом объединять миф и тулуд, приводя божество непосредственно от его приключений прямо в дом, где совершается обряд.

С другой стороны, в районе Kurug божество отправляется в жилище мифического предка и здесь кончается миф, затем при помощи tulud его приводят из его собственного дома к месту, где совершается обряд.

<sup>26</sup> Запретные («магические») замки pudung (пудунг); обычно это стебель тростника gupo со связанными в узел листьями. Его ставят близ имущества, которое собираются защищать. Его считают связанным с pili, духами, охраняющими имущество. Племя дусун на Борнео ближе к первобытному коммунизму, чем ифугао. Среди дусун каждый может сорвать плоды с дерева, может даже в отсутствие хозяина войти в дом и воспользоваться пищей. Если он ничего не уносит с собой, это не считается воровством. Но он не может сделать этого, если дерево отмечено как охраняемое при помощи «морального замка», несколько напоминающее то же у ифугао. У ифугао нельзя войти в дом в отсутствие хозяина, но они не осудят, если кто-то сорвет плод с дерева или стебель сахарного тростника с поля, если вблизи нет «морального замка». «Моральный замок» употребляется в качестве предупреждения о том, что дом или поле — табу для чужих.

Для жреческих «да будет» нет ни определенного времени, ни определенной формы. Жрец вставляет их там, где находит нужным, и в выражениях, которые считает наилучшими.

В этом мифе мы вновь встречаем возрождающее действие огня и воды. Следующие данные связаны, повидимому, с этим же явлением.

Пар и запах на языке ифугао обозначаются одним и тем же словом. И для ифугао пар, поднимающийся от приготовляющейся пищи или сгущающийся и осаждающийся обратно в суп, есть предмет, как будто бы имеющий сознательное личное существование. Тотчас после того, как готовое жертвенное мясо вывалено из горшков на дымящийся рис в мелких корзинках, жрец обращается к поднимающемуся пару. Если надо, например, провести обряд против врага, то он гонит пар в сторону вражеской деревни и говорит:

«Тебя отгоняет запах цыпленка, поросенка и риса. Не рассеивайся и иди вверх (вниз) к нашим врагам из такой-то деревни. Войди в их ноздри, чтобы они могли обрадоваться тебе, считая тебя запахом своих собственных жертв».<sup>27</sup>

Не без основания можно предположить, что ифугао, признавая превращение пищи посредством огня и воды в невидимое существо, верят в возможность обратного возвращения этого существа в реальных поросят, цыплят и настоящий рис.

Мифы набалой и канканай очень похожи на мифы ифугао и нередко содержат идентичные формулы.

Очевидно, однако, жрецы не вставляют и не присоединяют ни приказов («да будет»), ни *tulud* (контроль богов).

Mr. C. R. Moss, записавший эти мифы, был в течение 12 лет или больше учителем у этих племен; он почти в совершенстве говорит на набалой и сносно на канканай, изучал их церемонии, и я думаю, что следует прийти к заключению, что «да будет» и *tulud* у них не употребляются, иначе он без сомнения нашел бы их.

Тем не менее, использование мифов в качестве магии охватывает большую часть обрядов набалой и канканай. Стиль их мифов таков же, как и у мифов ифугао. Элементы культа предков сохранились мало, что отражает упадок, «большой семьи». Пантеон весьма сократился, — в каждой религии имеется, свидетельство о том, что он был некогда гораздо шире.

Привожу описанный *sibsid'*ом у набалой (обряд лечения ран).<sup>28</sup>

Жрец (*Mambunong*) берет оружие, причинившее рану; если его нельзя достать, то берет предмет, заменяющий его, и кладет его на рану, рассказывая следующую историю:

«Балиток и Кабигат были братьями. Они разводили свиней, собак и цыплят. Они решили заколоть свинью для сапуао, чтобы иметь удачу на охоте, на которую они собирались итти.<sup>29</sup> На третий день после того, как они закололи, свинью, они устроили *yabyab*.

«Затем они взяли своих собак и пошли на охоту. Когда они достигли вершины горы, они спустили своих собак в месте, где водилось много диких, кабанов, и их собаки спустились вниз по реке к утесу и долго лаяли. Кабигат и Балиток ожидали, но дикие кабаны не показывались. Тогда они пошли к месту, где были их собаки. Они увидели их лающими на иру (ифугао — *idu* —

<sup>27</sup> Он умоляет запах войти в ноздри врага, потому что этим самым враг будет принужден нарушить строжайший из всех табу — запрет вкушать еду и питье врага. Нарушение этого табу карается богами *Hidit*, которые поражают разрушением селезенки, кашлем, кровохарканьем, хрипом в легких, одышкой и т. п.

<sup>28</sup> «*Nabaloi Law and Ritual*» by C. R. Moss. University of California Publications in American Archeology and Ethnology, vol. 15, № 3, p. 327.

<sup>29</sup> *Kabigat* — героический предок кабалой, также *Balitok* — кианган и ифугао и *Lumawig*, — канканай и бонток. В мифологии этих племен все три существуют как братья. *Sapuao* — общее название религиозной церемонии; (*yabyab*) — специальная церемония.

пифон), который сидел на утесе. Кабигат и Балиток метнули в иру копьё и убили его. Часть его они съели, часть изрезали на куски и засушили.

На другой день они сказали Акадау, своей матери, стеречь мясо. Потом они опять пошли на охоту. В тот день они ничего не нашли. Когда они вернулись домой, то увидели, что засушенное мясо змеи исчезло. Они спросили свою мать: «Где сушеное мясо иру?» Она ответила: «Я проснулась в полночь и увидела, что мясо исчезло.» Кабигат и Балиток не поверили ей и подумали, что она съела мясо.

Они разрезали живот своей матери и она умерла; и ее сыновья увидели, что она не ела мяса. Когда они посмотрели вокруг, то заметили следы двух иру, ведущие к месту, где они убили одного иру. Там они нашли иру, который оставил следы. Тогда сказали Кабигат и Балиток: «Что это значит? Мы тебя убили и съели часть твоего мяса, а теперь ты жив опять. Наша мать умерла из-за тебя. Мы опять убьем тебя». Но иру сказал: «Если вы не убьете нас, то мы вас научим молитве, которая сделает вас богатыми». Но Кабигат и Балиток сказали: «Мы уже богаты, мы убьем тебя». Тогда сказал иру: «Если вы не убьете нас, то мы научим вас молитве, для вылечивания ран и вы снова сделаете вашу мать живой». Кабигат и Балиток согласились и узнали от иру молитву. И тогда он сказал: «Когда вы пойдете домой, вы можете резать все, что хотите, и тогда произнесите молитву, которой мы вас выучили, и порез исчезнет».

Сначала они порезали rattan и совершили sibsib, и порез исчез. На другой день надрезал бамбук, совершили sibsib и снова исчез порез. Затем они резали тростник, произносили молитву и снова исчезал порез. Когда они пришли на вершину горы, они срубили дерево, произнесли sibsib и снова не было пореза.

Когда они пришли домой, они взяли нож, которым был разрезан живот их матери, положили его на рану, произнесли sibsib и тогда снова их мать стала живой. Тогда они поверили иру. Тогда иру сказал им: «Вы видите, что я сказал вам — правда. Скажите людям о sibsib, чтобы они могли, если у них есть раны, совершать sibsib, и скажите, что они должны призывать имена иру, Балитока и Кабигата».

Затем mambunong произносит следующую молитву к мертвому жрецу: «Ты, жрец минувшего, приди для sibsib. Соверши здесь sibsib. Если ты произнесешь молитву, рана исчезнет быстро, как-будто смытая водой. Не будет ни боли, не будет ни опухоли».

Заметьте, что начальная фраза: «Ты, жрец минувшего», подтверждает наши предположения о том, что религия набалои была некогда богаче, чем теперь, что нынешние жрецы не знают обрядов так же хорошо, как их знали в прошедшие времена.<sup>30</sup>

Провозглашение некоторых пожеланий, вроде приведенных выше, или предшествует или следует за каждой церемонией. Следующее обращение, имеющее некоторую особенность, содержит указание на то, что жрецы были когда-то семейными колдунами, как у ифугао.

«Приди, прежний мамбунонг, наш предок далекого прошлого. Давай пить и есть вместе. Научи нас молитве abasang».

Я убежден, что эти горные племена были некогда одним народом или, по крайней мере, их общественный строй и религия были когда-то такими же, как и у ифугао. Я не могу, конечно, приводить здесь данные. Для доказательства этого положения существуют веские данные, на которых здесь, однако, не место останавливаться.

<sup>30</sup> Следующие примеры еще более убедительны. На стр. 307 цитированной работы находится описание обряда ampasit. «Mambunong- минувшего, приди! Помолясь за этого человека, потому что ты не научил нас твоим молитвам». И на стр. 305 обряд kari. «Ты, mambunong давних лет. Если есть что-нибудь забытое, чего я не сказал, то заставь, чтобы это было сделано; дай счастье приносящему kari».

А если набалой некогда употребляли мифы так, как это делают ифугао с «да будет» и *tulud*, то — что стало с этими двумя элементами?

Обратите внимание на последний раздел вышеприведенного мифа. «Когда они пришли домой, они взяли нож, которым был разрезан живот их матери, положили его на рану, произнесли *sibsid*, и тогда снова их мать стала живой. Тогда они поверили иру. Тогда иру сказал им... «скажите людям о *sibsid*, чтобы они могли, если у них есть раны, совершить *sibsid*, — и скажите, что они должны призывать имена иру, Балитока и Кабигата». Последнее предложение, начинающееся «тогда иру сказал им...», я думаю, занимает место тулуда у ифугао. Вместо призвания иру, Кабигата и Балитока, на место обряда, где они овладевают жрецом и пьют вино, набалой просто называют их имена. Их имена имеют магическую силу.

Где же «да будет»? Весь миф целиком служит этой цели; он имеет силу сам по себе, само произношение обязывает; не значение мифа, а сами слова обладают магической силой. Симпатическая магия осталась позади. Развивается другой вид магии. Это еще более ярко иллюстрирует следующий миф племени канканай, в котором произошло такое сокращение, что не сохранилось ни последовательности, ни смысла и никаких аналогий для симпатической магии.

#### *Bilong* (обряд лечения легочных болезней)

«Сказывают, что проживали *Ginsingan* и *Suyong*. Некто, совершающий обряд, его родственники, проживая вдалеке, пригласили Гинсингана и Суйанга. Когда они отправились, упала одна корзинка с мясом и одна корзинка с вареным рисом. Когда они были на пути домой, там пылало одно дерево. Тогда они сказали: «Давай приготовим пищу и поедим здесь».

Они взяли кусок мяса и положили его на огонь. Они не могли приготовить его на пылавшем огне. Они спустились немного ниже и жарили свою пищу; мясо легко сжарилось.

Когда они поели, они пошли домой. Они кашляли и харкали кровью. Тогда они открыли *bilong*. Потом они сказали: «Мы передадим его людям, чтобы они призывали нас, когда заболеют и будут харкать кровью, и мы будем источниками молитвы».<sup>31</sup>

Я не могу привести образцов мифов племени тингиан, так как не мог достать нужную книгу.<sup>32</sup>

#### Выводы

1. Нет основания считать метод использования мифов у ифугао настолько редким, как это можно заключить из фольклорной литературы. Когда я записывал мифы ифугао в своем доме, я услышал их без «да будет» и *tulud*: так как не было никакой церемонии, то вполне естественно, что мои осведомители опускали их. Я и не подозревал об их существовании до тех пор, пока не начал посещать жреческие обряды. Записывание мифов вне их обстановки ведет к совершенно ошибочному их пониманию. Для правильного записывания необходимо основательное знание обрядов племени.

2. В использовании мифов как магии у горных племен Филиппин, вместе с развитием от общества, основанного на «большой семье» в качестве общественной единицы, к деревенскому управлению и феодальной общественной

<sup>31</sup> C. R. Moss. *Kankanai Ceremonies*. University of California Publications in American Archeology and Ethnology, Vol. 15, No 4, p. 364 (1920).

<sup>32</sup> Cole, Fay-Cooper, *Traditions of the Tinguians, a study in Philippine Folklore*; Field Museum Anthropological series, Vol. XIV, pp. 1—226, Chicago, 1915.

единице, — произошло значительное сокращение мифов с несомненным исключением «да будет» и *tulud*, в то же время с изменением в характере магии переходом от симпатической магии к магии слова и имени. Мифы превращаются постепенно в заговоры и заклинания, обладающие самодовлеющей силой производить магическое действие, как и имена божеств или героев мифа. Даже миф у ифугао, первоначально лишь средство симпатической магии, продвинулся по пути магии силы слов и имен дальше, чем кажется на первый взгляд. Во-первых, это магия слов, а не действий; во-вторых, хотя эта магия и зависит от сравнений (параллели), эти параллели должны быть «склепаны» или приведены в действие при помощи приказов; в-третьих, в *tulud`e* мы находим элемент, еще более приближающийся к магии силы слова—жрец принуждает божество явиться, называя все местности, лежащие на пути от жилища божества к месту церемонии. Все же мифы не имеют врожденной власти, как мифы у набалои и канканаи, а также недостаточно просто «назвать имена» героев.

Как мы видели в этом случае, переход к раннему классовому обществу сопровождается переходом от словесной магии, как магии симпатической, к магии власти слова, имени и сочетания слов. Возникает вопрос, не является ли это общим правилом? Мы не говорим, конечно, что в классовом обществе совершенно не сохранилось симпатической магии; сохранилось немало пережитков так же, как пережитки большой семьи сохраняются при феодализме и даже при капитализме.

Уточним наш вопрос: отражается ли возникновение классового общества в новом виде магии, магии заговоров, слов и имен, которым приписывают самодовлеющую силу?

Просмотрев четыре тома «Золотой ветви» Фрезера, мы не обнаружили ни одного случая магии этого вида в родовом обществе.<sup>1</sup> По-видимому, она характерна только для классового общества.

Индивид, живущий в раннем классовом обществе, считает производство и все имеющее значение для его жизни создаваемым сильными личностями, принадлежащими к какой-то отличной (и неизмеримо высшей) человеческой породе, которые, благодаря своему прирожденному превосходству, имеют право господствовать и повелевать. Знание, старшинство, происхождение, правила обращения, этикет, церемонии, тайна и тайная власть, изысканность речи, покорность, рабство, повиновение и унижение — таковы элементы, из которых состоит идеология раннего классового общества; именно эти элементы отражают, по-видимому, магию слов, заговоров, фраз, имен и действий и тайну, с которой они применяются. Такая идеология представляет резкий контраст с идеологией доклассовых обществ, где ни один индивид не имеет наследственного права господствовать над другими или управлять ими, где даже лишь в сравнительно редких случаях такая власть доверяется кому-либо с определенной целью.

С другой стороны, симпатическая магия является, по-видимому, магией, присущей преимущественно доклассовому обществу. В своей первоначальной форме она отражает пробуждающееся сознание человека (порожденное трудом), возможности воздействия на окружающую среду при помощи тех или иных действий. В развитой форме родового общества она отражает социально-экономические отношения в родовом обществе. Член родового общества осознает внешний мир (как подобие своего собственного социального мира), как роды, комплексы вещей.

Так, дождь, вода, капающая с листьев, падающая вода, кровотечение, лужи на земле, грязь, крайняя плоть, лягушка, облака, черный цвет, пыль в воздухе, птичий пух, ветер, гром, молния, искры, земля, — все это осознавалось в представлении примитивного человека как члены единого рода явлений природы.

Коллективизм является правилом в родовом производстве, обороне, нападении, во всех взаимоотношениях. Что делает один из членов рода, делают все; что сделано одному — сделано всему роду.

Вполне естественно, что при таком мировоззрении примитивный человек считал, что произведение нескольких вещей или явлений, принадлежащих к какому-либо роду явлений, непременно должно произвести или вызвать остальные. Для достижения этого одни общества используют один элемент, другие — может быть иной.